

A digital illustration of a man and a woman in a bedroom. The man, on the left, is standing, wearing a black t-shirt and grey trousers, with his hands in his pockets. He has dark hair and a beard. The woman, on the right, is sitting on a bed with a blue patterned duvet. She has long, wavy blonde hair and is wearing a light blue button-down shirt. She is looking towards the camera with a slight smile. In the background, there is a window with sheer curtains, a lamp, and some plants.

Екатерина Мордвинцева

Иди к чёрту!

Екатерина Мордвинцева

Иди к чёрту!

<https://litres.ru/74211423>

Аннотация

«Дано: парень лезет в окно. Доказать: как он будет вылезать.» Когда-то в далёком детстве нам это казалось забавным. Но! Это было в детстве, а сейчас мне совсем не до смеха. Почему? Да потому-то ко мне только что влез один такой муд... Ой, простите! Приличным девушка так говорить не стоит. В общем, мудростью обделенный Homo sapiens. И все бы ничего, если бы: «А» — я была в одном полотенце, «Б» — парень влез в трусах и «В» — пришел мой отец. А теперь вопрос: какова скорость полёта человека с третьего этажа?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	28
Глава 3	43
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пролог

Алиса Звягинцева

Утро пятницы обещало быть идеальным. Оно пахло моим дорогим гелем для душа с ароматом спелого персика и сладкой ванили, а за окном июньское солнце заливало светом не только улицу, но и все мои планы на ближайшие два дня свободы. Я стояла в центре своей комнаты, в большом махровом полотенце цвета крем-брюле, и вытирала прядь мокрых волос. Влажная прохлада на коже была невероятно приятна после горячего душа.

Моя комната — моя крепость, мое убежище и витрина. Все здесь было выдержано в бежевых и пастельных тонах, все лежало на своих местах: учебники по макроэкономике с ровными стопками цветных стикеров, конспекты, исписанные моим старательным округлым почерком, коллекция фарфоровых балерин на полке. Идеальный порядок для идеальной дочки. Алиса Звягинцева, восемнадцать лет, отличница, красавица и гордость своего отца. Сегодня днем — дополнительная лекция, которую я не могла пропустить, а вечером — та самая, долгожданная вечеринка у Лизы, на которую отец отпустил меня с неохотным кивком и десятком напутствий. Я уже мысленно перебирала платья в гардеробе.

Потянувшись к фену на туалетном столике, я на мгнове-

ние задержала взгляд на своем отражении: раскрасневшиеся щеки, слишком широко распахнутые серые глаза, густые темные ресницы, слипшиеся от влаги. Папина дочка. Так он меня всегда представлял своим друзьям-бизнесменам. «Моя Алиса — умница и красавица, держу в ежовых рукавицах, чтобы никто не сбил с пути».

Мысль о отцовской опеке была как раз той самой каплей дегтя в бочке с медом моего утра. Но даже она не могла подготовить меня к тому, что случилось дальше.

Тень. Резкая и стремительная. Она мелькнула за окном, заслонив на мгновение солнце. Сердце не просто екнуло — оно сорвалось с катушек и упало куда-то в ботинки. Рука, тянувшаяся к фену, замерла, а горло сдавила невидимая удавка. Это не мог быть папа — его кабинет был на первом этаже. Не какой-нибудь любопытный зевака — я жила на третьем этаже элитного дома, и до моего балкона не добраться без лестницы.

Прежде чем страх успел перерасти в панику, створка окна, которую я на ночь всегда закрывала на замок (отец проверял), с противным металлическим скрипом отъехала. И в проеме, на фоне безмятежного голубого неба, возник он.

Парень. Совершенно незнакомый. И он был в одних темных, почти черных, боксерах, обтягивающих его узкие бедра.

Воздух вырвался из моих легких беззвучным свистом. Я остолбенела, вжавшись в ковер босыми пятками, чувствуя,

как по телу разливается волна то ли леденящего ужаса, то ли адского жара. Он был чертовски красив. До неприличия, до боли. Влажные от пота или, страшно подумать, от утренней росы, темные, почти черные волосы спадали на лоб. Резкие, словно высеченные из камня черты лица: высокие скулы, упрямый, с легкой ямочкой подбородок, и губы — чувственные, изогнутые в самой наглой, самоуверенной ухмылке, которую я когда-либо видела. А его глаза они были цвета весенней листвы, ярко-зеленые, и смотрели на меня с таким бесстыдным любопытством и насмешкой, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

Он легко, словно кошка, спрыгнул с подоконника на мой идеально чистый, бежевый ковер, оставив на нем грязные следы от босых ног без обуви, которой на нем не было. Куда он ее дел? Это была самая идиотская мысль в данный момент, но мой мозг, перегруженный шоком, цеплялся за любые мелочи.

— Привет, красотка, — его голос был низким, бархатным, и в нем не дрогнул ни один мускул. Он вел себя так, будто влезал в окна к незнакомым девушкам каждое утро. — Извини за столь экстремальное вторжение. Пришлось делать ноги от одного ревнивого мужа с неприятной привычкой размахивать битой.

Я не могла издать ни звука. Просто стояла, сжимая обеими руками края полотенца у груди так, что кости пальцев побелели. В моей комнате. Чужой парень. В одних трусах.

Я. В полотенце, которое вдруг показалось мне смехотворно маленьким. Весь мой стройный, предсказуемый мир рухнул за три секунды.

— В-ыйди, — наконец выдавила я, и мой голос прозвучал как тонкий, испуганный писк. — Немедленно.

— С удовольствием, — он усмехнулся, и в уголках его глаз затанцевали веселые чертики. Он оглядел мою комнату, его взгляд скользнул по учебникам, по балеринам, по мягким игрушкам на кровати, и я почувствовала жгучую стыдливость за эту свою девичью наивность. Потом его зеленые глаза медленно, оценивающе вернулись ко мне, прошелся от моих босых ног до влажных волос. Под этим взглядом кожа запылала, и по спине побежали противные, колючие мурашки. Но это были не мурашки страха. Это было что-то другое. Запретное, острое, от чего в низу живота заныла странная, тревожная тяжесть.

— Но, боюсь, через дверь будет не очень удобно, — продолжил он, делая шаг вперед. От него пахло ветром, потом, опасностью и чем-то еще — терпким, мужским. — Тот самый ревнивец, вероятно, дежурит у подъезда. Придется мне немного переждать тут. Надеюсь, ты не против?

Я была против! Я была категорически против! Но слова застряли у меня в горле. Потому что в этот самый момент в дверь моей комнаты раздался резкий, отрывистый стук.

Звук был таким же твердым и не терпящим возражений, как приговор суда. Весь мир сжался до размеров моей ком-

наты, до этого наглого незнакомца и до этой дубовой двери. Кровь в жилах буквально застыла.

— Алиса? — раздался за дверью низкий, властный баритон, который я знала и боялась с детства. Голос моего отца. Александра Сергеевича Звягинцева. — Ты уже проснулась? Я слышу шум. Спускайся в столовую завтракать, нам нужно срочно обсудить твои планы на вечер.

Глаза мои, наверное, стали размером с блюдца. Я перевела дикий, полный ужаса взгляд с парня на дверь и обратно. Он стоял, прислонившись плечом к моему стеллажу с книгами, скрестив на голой груди руки. Эта грудь была рельефной. С очертаниями пресса. Я резко отвела взгляд, чувствуя, как горит все лицо.

Отец никогда не входил без спроса. Это было наше негласное правило, последний рубеж моей личной жизни. Но сегодня в его голосе звучала та самая стальная нотка, которая означала, что разговор предстоит серьезный. «Обсудить планы на вечер». Это никогда не сулило ничего хорошего. Обычно это заканчивалось отменой всех планов, допросом с пристрастием и парой новых правил.

И самое ужасное — этот незнакомец, этот наглый повеса, услышав голос отца, не просто не испугался. На его лице не было и тени тревоги. Наоборот, его ухмылка стала еще шире, еще бесстыднее. Он оттолкнулся от стеллажа и сделал еще один, на этот раз бесшумный шаг ко мне, сократив и без того ничтожное, опасное расстояние между нами до пары десят-

ков сантиметров. Его дыхание, теплое и ровное, коснулось моего лба.

— Ну что, принцесса, — прошептал он так тихо, что это было скорее движение губ, чем звук. В его зеленых глазах плясали чертики азарта и какого-то омерзительного восторга от адской ситуации. — Похоже, у нас небольшая проблемка. Каков наш план? Ты сейчас откроешь папочке, а я спрячусь в твоём гардеробе? Или под кроватью? Выбирай быстрее, а то ему, кажется, не терпится.

Я не успела ничего ответить. Мое тело онемело, разум парализовало. Я лишь слышала, как бешено колотится мое сердце, готовое вырваться из груди и предать меня с первым же ударом.

С той стороны двери послышался легкий, знакомый скрежет. Рука с той стороны легла на ручку. Я увидела, как латунная ручка медленно, неумолимо начала поворачиваться.

Щелчок. И вот-вот замок откроется...

Глава 1

Кирилл Островцев

Черт возьми, голова. Она не просто болела — она проживала свою отдельную, бурную жизнь, полную ударов маленьких, но злобных молоточков по самым чувствительным участкам мозга. Я медленно открыл глаза, и сознание вернулось ко мне нехотя, как непослушный щенок на поводке. Первое, что я увидел — нежный, дорогой шелк простыней под дорогим одеялом и размытые очертания чужой, роскошной спальни. Стиль «новые русские» с претензией на аристократизм: позолота, глянец, огромная люстра. Пахло дорогими, удушающими духами и сексом. Сладковатый, приторный запах вчерашней ночи.

Вчерашний вечер всплывал в памяти обрывками, как старый, поврежденный фильм, который кто-то щедро поливал алкоголем. Клуб «Эпицентр», музыка, бьющая по ребрам и вышибающая последние разумные мысли. Столик, заваленный бутылками дорогого, но безвкусного виски, и смех моих приятелей, таких же бесшабашных и уверенных в своей неуязвимости. А потом она. Стройная блондинка с волосами цвета спелой пшеницы и глазами — холодными, как морская гладь в пасмурный день. В них читалась скука и голод. Мы танцевали, слишком близко, нарушая все правила приличия.

Мы пили шампанское из одного бокала, ее пальцы обжигали мое запястье. А потом ее губы, горячие и влажные, прикоснулись к моему уху, и она прошептала слова, которые были для меня слаще любой музыки: «Может мы найдем более уединенное место? Например, у меня...»

Идеальный расклад. Мой негласный девиз, который я пронес через все свои двадцать три года: никаких тебе обязательств, утром — взаимное «спасибо» и легкое, безболезненное прощание. Я, Кирилл, профессиональный наслажденец и, как меня часто называли, «бездушный повеса». И мне это нравилось. Моя жизнь была чередой веселых вечеринок и красивых лиц, не оставляющих шрамов на душе.

С громким стоном я потянулся, чувствуя, как ноют все мышцы. Повернулся на бок, намереваясь разбудить мою ночную принцессу каким-нибудь приятным и не требующим сил способом. Но место рядом было пусто, простыня под ладонью — холодной.

В этот момент дверь в спальню распахнулась без стука, и на пороге возникла она. Картина была сюрреалистичной. Ее идеально уложенные волосы были растрепаны, макияж смазан, а лицо — белым, как мрамор, с двумя яркими пятнами румянца на скулах. Глаза, те самые, холодные, были теперь огромными от немой паники, в них читался чистый животный ужас. На ней был только короткий шелковый халат, перехваченный на талии, и он был расстегнут ровно настолько, чтобы я с болезненной четкостью вспомнил, какое у нее на

самом деле потрясающее тело. Но сейчас не до воспоминаний.

— Вставай! Немедленно! — ее голос был сдавленным, хриплым шепотом, полным отчаяния. Он резанул слух после вчерашнего грохота музыки.

— Кто... Что? — проворчал я, с трудом заставляя мозг шевелиться. Маленькие молоточки в висках забили в набат.

— Он! — выдохнула она, и ее глаза метнулись к прихожей. — Мой муж, идиот! Он должен был вернуться только завтра утром, но его переговоры перенесли! Он уже здесь! Я слышу, как его машина подъехала! Он сейчас будет открывать дверь!

Вот дерьмо. Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Все остатки сна, похмелья и легкой эйфории вылетели из меня в один миг, словно кто-то выдернул пробку. Адреналин, горький и острый, как полынь, ударил в кровь, заставив сердце колотиться с бешеной скоростью. Я сорвался с кровати, ощутив холод паркета под босыми ногами. Огляделся в поисках своей одежды. Штаны, футболка, носки, кроссовки... Все это в живописном, грешном беспорядке осталось там, в гостиной. Путь туда был отрезан. Мы были в ловушке.

— Балкон! — девушка, имя которой я даже не запомнил, схватила меня за руку. Ее пальцы были ледяными и влажными от пота. Она с силой потащила меня к стеклянной двери, ведущей на балкон. — Давай, быстро! Пока он не вошел!

Она распахнула дверь, и на меня пахнуло прохладным,

неприветливым утренним воздухом. Я стоял на пороге в одних темных боксерах, чувствуя себя абсолютным идиотом и голым актером в каком-то абсурдном спектакле.

— И что мне теперь делать? — попытался я сохранить остатки бравады, но мой голос прозвучал сипло и испуганно. — Ждать тут, пока вы с ним не выпьете утренний кофе с круассанами? Замерзнуть насмерть для правдоподобия?

— Прыгай, — выдавила она, глядя на меня умоляющими, полными слез глазами. В них не было ни капли нежности или сожаления, только чистый, неконтролируемый страх за свою школу.

Я посмотрел вниз, через кованые перила. Четвертый этаж. Асфальт внизу выглядел недружелюбно твердым, безжизненным и до неприличия далеким. Мое воображение тут же нарисовало яркую, неприятную картинку.

— Ты с ума сошла? — прошипел я. — Я не прыгун с вышки! Я разобьюсь в лепешку!

— Прыгай в эти кусты! Или спускайся по трубе! Я не знаю! Только исчезни, ради Бога!

Из прихожей донесся четкий, громкий звук поворачивающегося ключа в замке. Затем тяжелые, уверенные, мужские шаги по паркету.

— Анжела! Дома? — прогремел низкий, властный голос, от которого по спине пробежали мурашки.

Времени на дискуссии не оставалось. Ни секунды. Анжела, с силой, которой я от нее не ожидал, буквально вытолкну-

ла меня на балкон. Я едва успел ухватиться за холодную ручку двери, как она с силой захлопнула ее перед моим носом. Последовал щелчок защелки. Финальный, как приговор.

Итак, я остался один. В трусах. На четвертом этаже. На холодном бетоне подошвами босых ног. Классическое, черт побери, утро русского повесы. Ирония судьбы была бы смешной, если бы не была такой опасной.

«Соберись, тряпка», — прошипел я сам себе, заставляя руки ухватиться за кованые завитки балюстрады. Они были ледяными и шершавыми. Вниз, вдоль стены, вела труба водосточного желоба. Она выглядела старой, ржавой и предельно ненадежной. Но выбора, как говорится, не предлагали.

Сглотнув ком в горле, я перемахнул через перила, сердце колотилось где-то в глотке, отдаваясь глухим стуком в ушах. Холодный металл жестоко обжигал голые ладони и ступни. Медленно, ценой невероятных усилий, борясь с просыпающейся паникой и трясущимися от напряжения мышцами, я начал спускаться. Каждый мускул кричал, каждый нерв был натянут как струна. «Никогда больше. Клянусь, никогда больше не свяжусь с замужними», — бормотал я себе под нос, цепляясь за очередной выступ и чувствуя, как соскальзывает потная нога.

Третий этаж. Я уже почти смирился со своей новой ролью полуголого альпиниста в элитном районе мегаполиса. И вот тогда я увидел. Прямо передо мной, на уровне моих глаз,

было открытое настежь окно. За ним — тоже чья-то спальня. Светлая, уютная, залитая утренним солнцем. И, что самое главное, пустая.

Мысль пронеслась в голове, быстрая, как молния, и соблазнительная, как грех. Я не смогу спуститься до конца, это стало очевидно. Руки уже предательски дрожали, силы были на исходе. А тут... Укрытие. Передышка. Шанс не разбиться вдребезги.

Я замер, повиснув на зыбкой опоре, и уставился на этот темный проем, словно на порог в иной, более безопасный мир. Что там, за этим окном? Кто там живет? Сейчас раннее утро, скорее всего, никого нет дома. Или...

Мое сердце, и так выпрыгивающее из груди, замерло на очередном ударе. Решение нужно было принимать сейчас.

Черт побери, вот это поворот. Одна секунда — я вишу на холодной трубе между третьим и четвертым этажом, рискуя превратиться в лепешку, а следующая — уже переваливаюсь через подоконник и падаю.

Первое, что я почувствовал — не боль в мышцах и не леденящий холод, а мягкость под ногами. Я лежал, раскинувшись, на чем-то невероятно мягком и чистом. Ковер. Он пах свежестью, каким-то дорогим цветочным средством и безопасностью. Резкий контраст с тем адом, что творился секунду назад: холодная, скользкая труба, пронизывающий утренний ветер и зыбкая пустота под ногами, сулящая переломы и верную смерть.

«Жив, — пронеслось в голове единственной ясной мыслью. — Черт возьми, жив!»

Адреналин, заставлявший сердце колотиться как бешеное, начал понемногу отступать, сменяясь дикой, животной усталостью и головокружительным облегчением. Я лежал, вглядываясь в узор на потолке, пытаюсь отдышаться и прийти в себя. Только сейчас я осознал, как сильно дрожат мои руки и ноги — сказывалось нечеловеческое напряжение последних минут.

С трудом подняв голову, я окинул взглядом свое новое убежище. Комната. Сразу было видно — девичья. Не просто комната девушки, а комната идеальной, правильной девочки. Безупречный порядок. Книги на полках стояли ровными стопками, корешки к корешку, без единой пылинки. На столе — новенький ноутбук и стопка конспектов, исписанных убористым, округлым почерком, от которого веяло такой академической чистотой, что аж тошно. И эти фарфоровые балерины на полке... Они смотрели на меня стеклянными, пустыми глазами, словно осуждая мое непотребное вторжение. «Ну конечно, папина дочка, — с внутренней, едва уловимой насмешкой подумал я. — Выросшая в тепличных условиях, не знающая ничего, кроме учебников и родительских наставлений». Ее идеальный, предсказуемый мир, в который я ворвался, как ураган, словно был другой планетой, а я — космическим десантником, занесенным сюда неведь откуда.

И вот именно в этот момент я увидел Ее.

Она стояла в центре комнаты, замершая, как изваяние. Совершенно ошеломленная. И была в одном полотенце. Большом, махровом, цвета кофе с молоком, но эта бытовая деталь не имела ровным счетом никакого значения. Потому что из-под его края выходили стройные, загорелые ноги с изящными лодыжками, а на плечах оно лежало так, что открывало хрупкие ключицы и гладкую линию плеч. Мокрые, темные волосы, цвета золотой пшеницы, тяжелыми капризными прядями падали на шею, кое-где прилипая к коже. Капли воды медленно скатывались по ней, и я невольно проследил за одной из них взглядом. А ее лицо... Боже правый. Ее глаза. Огромные, распахнутые, цвета грозового неба, серые и глубокие. В них читался такой вселенский, немой шок, что, казалось, в них отражалась не только вся нелепость моего появления, но и мое собственное, жалкое и дикое, состояние. В них плескался ужас, стыд и какое-то детское, беспомощное недоумение.

Я вскочил на ноги, отряхиваясь, стараясь вернуть себе хоть каплю самообладания. Вид, конечно, у меня был более чем комичный: в мокрых от пота и, возможно, от уличной грязи трусах, босой, с растрепанными волосами, стоящий посреди этой стерильной чистоты. Но привычка владеть ситуацией, даже самой абсурдной, взяла верх. Я попытался натянуть на лицо свою обычную, слегка наглую, уверенную маску.

— Привет, красотка, — выдавил я, и мой голос прозвучал сипло и прерывисто от недавней одышки и дикого напряжения. — Извини за столь эффектное появление. Пришлось делать ноги от одного ревнивого мужа с неприятной привычкой размахивать битой.

Она не произнесла ни звука. Казалось, она даже не дышала. Просто стояла, вжимаясь в пол, и смотрела на меня, сжимая края полотенца у груди так, что ее тонкие, изящные пальцы побелели от напряжения. В ее взгляде читалась не просто паника, а настоящая катастрофа, крушение всего ее маленького, уютного мира. И это... Черт возьми, это заводило. После унылой, испуганной до истерики Анжелы, эта девочка-шок, с ее немим ужасом и огромными, бездонными глазами, была как глоток чистого, крепкого, опьяняющего кислорода после угарного газа. Опасность, непредсказуемость, абсолютный, сюрреалистичный абсурд ситуации — это был мой наркотик, моя стихия. Я жил такими моментами.

— В-ыйди, — наконец просипела она, и ее голосок был тонким, дрожащим, словно натянутой струной.

Я не удержался и усмехнулся, чувствуя, как понемногу ко мне возвращается дьявольская уверенность. А что ей еще говорить? Я нарочито медленно оглядел комнату с преувеличенным, оценивающим интересом. Учебники, конспекты, эти дурацкие фарфоровые куклы... Весь этот мирок правильных девочек, хороших оценок и родительских похвал.

— С удовольствием, — протянул я, делая небрежный шаг вперед, чтобы посмотреть, как она среагирует. Она инстинктивно отпрянула, будто я был раскаленным железом, и это маленькое движение было до невозможности восхитительным. — Но, боюсь, через дверь будет не очень удобно. Тот самый ревнивец, вероятно, все еще дежурит у подъезда, проверяя кусты. Придется мне немного переждать тут. Надеюсь, ты не против?

Я прекрасно видел, что она против. Я видел, как запылали ее щеки, как по идеально гладкой коже плеч побежали предательские мурашки под моим пристальным, изучающим взглядом. И это были не мурашки страха. Нет, я знал женщин достаточно, чтобы отличить. Это была та самая, запретная, опасная химия, которая сводит с ума. Паинька, отличница, и вдруг — полуголый, опасный незнакомец в ее святая святых. Ее мир трещал по швам, и мне безумно нравилось быть тем самым молотом, который эти швы расширяет.

И вот тогда в дверь постучали. Резко, властно, не терпя возражений. Стук, который не спрашивает, а приказывает.

Мгновенная тишина в комнате стала еще громче, еще напряженной. Только что между нами висело это странное, наполненное электричеством молчание, а теперь его разорвал звук, от которого у меня рефлекторно похолодело в животе. Я-то уже прекрасно усвоил, что подобные стуки в 99% случаев не сулят ничего хорошего.

— Алиса? — раздался за дверью низкий, твердый, вы-

школенный баритон. Голос, в котором слышались приказы подчиненным, миллионные сделки и непоколебимая уверенность в своем праве решать судьбы. — Ты уже проснулась? Спускайся в столовую, нам нужно срочно обсудить твои планы на вечер.

Так ее зовут Алиса. И это, судя по тону и властности, был ее отец. Я представил его себе мгновенно: дорогой костюм, холодные глаза, привычка, чтобы мир вращался вокруг его «хочу» или «нельзя».

Я перевел взгляд на Алису. Ее и без того большие глаза стали просто гигантскими, в них читался уже не просто шок, а чистый, немой, парализующий ужас. Она смотрела на меня, потом на дверь, и обратно, словно пойманная в ловушку мышь, не видящая выхода. Она была на самой грани, готовая либо расплакаться, либо закричать.

А я... А что я? Внутри у меня все закипало. Адреналин, только что начавший отступать, с новой, удвоенной силой хлынул в кровь. Эта ситуация из разряда «тотального попадалова» стремительно перетекала в разряд «невероятно острого, опасного приключения». Строгий отец-миллионер за дверью, его юная скромняжка-дочь в одном полотенце передо мной, а я — полуголый, загнанный в угол нарушитель спокойствия в самом сердце ее идеального, вылизанного мирка. Гремучая, взрывоопасная смесь. Я почувствовал, как на мои губы, против моей воли, наползает та самая, опасная и осознающая всю эту опасность ухмылка. Игра стоила

свеч. Оказаться в эпицентре такого шторма — это было по-настоящему круто.

Я сделал бесшумный шаг к ней, сократив и без того ничтожную дистанцию между нами до минимума. Она не отпрянула на этот раз, она была полностью парализована страхом. Ее дыхание перехватило, губы чуть приоткрылись.

— Ну что, Алиса, — прошептал я так тихо, что это было скорее движение губ, чем звук, и вложил в свой шепот все свое наглое обаяние, весь цинизм и понимание сюрреалистичности момента. — Похоже, у нас тут образовалась небольшая проблемка. Каков наш план? Ты сейчас откроешь папочке, а я в это время вежливо спрячусь в твоём гардеробе? Или, может, под кроватью? Выбирай быстрее, а то ему, кажется, не терпится.

Я видел, как она пытается сообразить, как работает ее мозг, отформатированный под правила, графики и пятерки, пытается найти логичное решение в уравнении с тремя неизвестными: я, она и ее разгневанный отец за дверью. Но логики здесь не было. Был чистый, концентрированный хаос.

Ответа я так и не получил. С той стороны двери послышался легкий, но такой знакомый и зловеющий скрежет.

Щелчок...

Этот звук, короткий и финальный, сработал на нас обоих точь-в-точь как спусковой крючок. Алиса метнулась к двери, инстинктивно создавая барьер между мной и тем, что ждало снаружи. Мое же тело, повинувшись древнему, животному-

му рефлексу, рвануло вглубь комнаты, прочь от опасности. Взгляд, выхватывая детали в паническом калейдоскопе, упал на большую, белую, почти что гробовую дверь гардеробной. Ни секунды на раздумья. Прыжок. Глоток темноты. Я схватил рукой створку, притянув ее так, чтобы осталась лишь тончайшая щель для обзора, и замер, прижавшись спиной к чему-то мягкому — вероятно, халатам или платьям.

И наступила абсолютная тьма. Не просто отсутствие света, а густая, бархатная, давящая чернота, изрезанная лишь тонкими лезвиями света, проникающими сквозь щель. И запахи... Здесь не пахло ее духами, нет. Здесь пахло ею самой, ее жизнью. Запах свежестыранного белья, древесины пола и какой-то едва уловимой, сладковатой пудры. Это был интимный, частный мир, в который я ворвался как варвар. Ирония судьбы: минуту назад я висел над пропастью, но там, снаружи, был хоть воздух и пространство для маневра. Здесь же, в этой тесной, парящей духотой темноте, я оказался в настоящей ловушке. Загнанным зверем.

Я прильнул глазом к щели, затаив дыхание, стараясь сделать его беззвучным, редким. Сердце, не успев утихнуть, принялось колотиться с новой силой, отдаваясь глухим, тревожным стуком в ушах. Это был уже не азарт, а тот самый, противный, детский страх быть пойманным с поличным. Я, Кирилл Островцев, привыкший смотреть любой опасности в глаза и выходить сухим из воды, прятался в девчачьем гардеробе, как провинившийся школьник, боящийся родитель-

ского гнева. Унизительно. До боли унизительно.

Дверь в комнату распахнулась с легким скрипом.

— Алиса?

Голос ее отца прозвучал прямо здесь, в комнате. Не за дверью, а в нескольких шагах от меня. Он был низким, густым, наполненным той безапелляционной властью, что не требует повышения тона. Он заполнил собой все пространство, вытеснив воздух.

— Пап! — голос Алисы взвился, став пронзительным и фальшиво-бодрым. Искусственная радость, натянутая как проволока. — Я только из душа. Что случилось?

Я не видел его, но кожей чувствовал его присутствие. Тяжелые, размеренные, уверенные шаги по мягкому ворсу ковра. Он не просто вошел. Он совершил инспекционный обход. Мужчина прошел мимо гардероба, и от его шагов по полу задрожали висящие рядом костюмы. Он остановился в центре комнаты. Совсем рядом.

— Ты в порядке? Я услышал какой-то шум. Как будто что-то упало. Или стукнуло. — Его голос был ровным, но в нем читалась стальная пружина внимания.

«Черт, наверное, это я так влетел в комнату, задев подоконник», — пронеслось у меня в голове, и по спине пробежала ледяная мурашка.

— Шум? — Алиса засмеялась, и этот смех был таким натянутым, таким неестественным, что у меня самого сжались кулаки от желания ее заткнуть. — Нет, пап, наверное, тебе

показалось. Я просто уронила флакон с лосьоном на ковер. Ничего не разбилось, вот, видишь?

Она врала. И врала отчаянно, ужасно. Я сквозь щель видел краешек ее плеча — она стояла, вцепившись в полотенце, все ее тело было одним сплошным напряженным мускулом.

Наступила пауза. Самая долгая и страшная пауза в моей жизни. Он молчал. Я буквально физически ощущал, как его холодный, сканирующий, как рентген, взгляд скользит по комнате, выискивая малейшие несоответствия в идеальной картине. По стопкам безупречных учебников, по идеально заправленной кровати, по моим грязным, уличным следам на ее светлом, девственно-чистом ковре. Черт! Я совсем забыл про это! Он их видит. Должен видеть.

— Ладно, — наконец произнес он, растягивая слово. И в его голосе все еще плавало недоверие, приправленное отцовской тревогой. — Одевайся и спускайся. Нам нужно поговорить о сегодняшней вечеринке у Лизы Беловой.

— А что с ней? — в голосе Алисы послышалась неподдельная, острая тревога. Это уже не была игра.

— Я не уверен, что тебе стоит туда идти, — его тон стал жестче, решительным. — Мне донесли, что ее старший брат привез из своей очередной европейской поездки кое-какие «развлечения», которые мне категорически не нравятся. Я сейчас же позвоню Лизиной матери, чтобы прояснить ситуацию. Если мои сведения подтвердятся, вечеринка отменя-

ется.

— Но папа! — в ее голосе прорвалось настоящее, почти детское отчаяние. Оно резануло слух. — Я обещала! Все будут там! Это очень важно!

— «Все» — не аргумент, Алиса. Ты это прекрасно знаешь. Твоя репутация и безопасность дороже. Мы обсудим это за завтраком. Жду тебя в столовой через пять минут. Не опаздывай. — Он сделал паузу, и я снова почувствовал, как его взгляд скользнул по комнате. — И прибери тут немного. Я вижу беспорядок.

Шаги, тяжелые и неспешные, удалились. Дверь закрылась с тихим, но таким финальным щелчком. Я услышал, как повернулся ключ в замке. Снаружи. Он запер ее? Или это просто скрип старого механизма?

Я не выдержал и тихо, с глубоким, дрожащим облегчением, выдохнул весь воздух, что держал в легких. Прислонился лбом к прохладной, гладкой стенке гардероба, чувствуя, как дрожат мои колени. «Беспорядок». Да, он определенно что-то заметил. Следы. Или просто почувствовал чужое присутствие. Хищник чует хищника.

Прошла еще одна томительная минута. Я слышал ее учащенное дыхание за дверью. Затем щелчок замка изнутри. Дверь гардероба тихо, со скрипом, приоткрылась. В щель проник свет, такой яркий после темноты, что я зажмурился. А когда открыл глаза, то увидел ее.

Алиса стояла в проеме, залитая светом. Ее лицо было

бледным, как мрамор, на щеках горели два ярких пятна румянца. В огромных серых глазах плескалась целая буря эмоций: паника, злость, испуг, и что-то еще... Может, стыд? Стыд за то, что он увидел, за то, что он заподозрил, за мое присутствие здесь.

— Он ушел, — прошептала она, и ее голос предательски дрожал, выдавая всю глубину пережитого потрясения.

Я выбрался из укрытия, чувствуя себя одурманенным, разбитым. Темнота, адреналин, резкий свет — все это кружило голову. Мы стояли друг напротив друга в центре ее комнаты, в том самом месте, где только что стоял ее отец. Она все еще была в полотенце, я — в одних трусах. Но теперь между нами висела не просто неловкость случайной встречи. Теперь нас связывала тяжесть только что пережитого совместного преступления, молчаливого сговора. Мы стали сообщниками.

— Слушай, — начал я, и мой голос прозвучал хрипло и непривычно серьезно. Впервые за сегодняшнее утро я говорил без тени насмешки или бравады. — Я... Черт. Извини, что ввалился к тебе вот так, со всеми этими проблемами.

Алиса не ответила. Она просто смотрела на меня. Ее серые глаза, еще полные влаги от пережитого страха, изучали меня, будто пытались разгадать ребус, свалившийся с неба в одних трусах.

— Ты... — она сглотнула. — Кто ты вообще такой? Откуда? И что тебе нужно?

Я медленно ухмыльнулся. Старая добрая, защитная ухмылка вернулась на мое лицо, как проверенная броня.

— Островцев. Кирилл Островцев. А теперь, принцесса, — я кивнул в сторону двери, — пока твой папа звонит мамочке Лизы и решает твою судьбу, давай решим и мою. Как мне отсюда выбраться? Потому что, судя по тону твоего родителя, на вечеринку ты все равно не идешь. А мне сидеть в твоём гардеробе до вечера, в ожидании, когда он снова решит проверить «беспорядок», как-то не улыбается. Честно.

Глава 2

Кирилл Островцев

Тишина. Густая, звенящая, наполненная отзвуками только что отгремевшей бури. Щелчок замка за спиной ее отца стал для меня не просто звуком, а симфонией триумфа. Я стоял посреди этой стерильной, пахнувшей порядком и тоской комнаты, чувствуя, как адреналин, что все еще пылал в крови, медленно отступает, сменяясь наглой, самодовольной усталостью. Победа. Временная, хрупкая, но победа. Я был жив, цел и, что важнее всего, не пойман.

Алиса замерла у двери, прильнув к деревянной панели лбом, словно пыталась впитать в себя прохладу и устойчивость. Ее плечи поднимались и опускались в неровном, сбивчивом ритме. Сейчас она была не просто напугана. Она была в состоянии глубокой, всепоглощающей паники, разбавленной щелочной горечью унижения. И, черт возьми, это зрелище было поистине восхитительным. После унылой истерики Анжелы эта девушка, с ее немим отчаянием и огромными, полными бури глазами, была подобна глотку чистого, крепкого кислорода.

— Ну что, принцесса, — нарушил я тишину, и мой голос прозвучал непривычно хрипло после недавнего напряжения. — Принимаешь гостей на постоянной основе? С условием,

разумеется.

Она резко обернулась, оторвавшись от двери. В ее серых, как грозовое небо, глазах бушевал настоящий шторм: остатки животного ужаса, кипящая злость и полная, обескураживающая беспомощность. Она была похожа на пойманную в клетку птицу, которая бьется о прутья, уже понимая тщетность своих усилий.

— Ты должен уйти! — прошипела она, но в ее голосе не было ни силы, ни убежденности, лишь одно сплошное, кричащее отчаяние. — Немедленно! Прямо сейчас!

Я медленно, демонстративно, оглядел себя с ног до головы, давая ей возможность оценить всю полноту картины: грязные, в царапинах и пыли ноги; мокрые, неприлично облегающие темные боксеры; голый, покрытый легкой испариной и, вероятно, тоже не идеально чистый торс.

— В таком виде? — я усмехнулся, коротко и беззвучно. — Твой папа, если я правильно расслышал, еще не покинул здание. Хочешь, чтобы он лично проводил меня до выхода? Уверен, у него найдется пара ласковых слов, подкрепленная, возможно, визитом пары крепких ребят из службы безопасности. Думаю, мой сегодняшний дресс-код им очень понравится.

Она сглотнула, и ее скулы нервно дернулись. Она понимала, что я прав. Ее взгляд, дикий и мечущийся, устремился к окну, тому самому, что стало моим порталом в этот ее идеальный, вылизанный мирок.

— Ты же влез! — выдохнула она, и в голосе слышались слезы, которые она отчаянно сдерживала. — Так и вылезай обратно! Ты это уже делал!

— О, нет, — я покачал головой, делая неспешный, почти невесомый шаг в ее сторону. Она инстинктивно вжалась в дверь, как будто я был не полуголым парнем, а вооруженным до зубов маньяком. — Мой лимит на экстремальный альпинизм на сегодня исчерпан. До самого доньшка. К тому же, мои драгоценные вещи, если ты не забыла, все еще томятся в апартаментах той самой особы на четвертом этаже. А там, я почти на сто процентов уверен, все еще царит легкий послештормовой бардак и, что важнее, присутствует тот самый ревнивый супруг с его нездоровыми амбициями. Я не думаю, что мой визит будет встречен с распростертыми объятиями.

Она закрыла глаза, словно молясь о том, чтобы это оказалось дурным сном. Было невероятно забавно наблюдать, как ее идеальный, распланированный по минутам мир рушится под натиском одного-единственного, непредвиденного обстоятельства. В лице меня. Кирилла Островцева, профессионального нарушителя спокойствия.

— Что же нам делать с тобой? — прошептала она больше себе, чем мне, и в этом шепоте слышалось полное крушение всех ее планов и надежд на спокойное утро.

— А ты начни с того, что найди мне хоть что-нибудь надеть, — предложил я, с напускной легкостью опускаясь на край ее идеально заправленной, почти церемониальной кро-

вати. Пружины тихо скрипнули. Она аж вздрогнула всем телом, увидев это кощунство. — А там видно будет. Не волнуйся, я тихий. Как церковная мышь. Никто и не узнает, что у тебя в комнате притаился такой интересный экземпляр.

Алиса посмотрела на меня с таким нескрываемым, почти физиологическим недоверием, что я едва сдержал приступ смеха. Эта девочка была прозрачна, как слеза. И чертовски привлекательна в своем бессильном, но таким живым гневом. Игра только начиналась.

Она покорила неизбежности с видом древнеримского патриция, идущего на казнь. Исчезнув в глубине гардеробной, она вернулась оттуда с парой предметов в руках, которые выглядели как орудие пытки, специально подобранное для моего унижения.

— На, — бросила она мне сверток.

Я развернул. Это были спортивные штаны. Ярко-розового, до боли в глазах, цвета. И просторная, серая футболка с огромным, улыбающимся пони, разбрасывающим радугу изпод копыт. Вид, конечно, был унижительный до слез. Но это была одежда. Теплая. И, что важнее, безопасная. Камуфляж.

— Надеюсь, тебе удобно в своем новом образе, — язвительно заметила она, наблюдая, как я с отвращением натягиваю этот розовый кошмар. Ткань была мягкой и пахла ей. Сладковатым, нежным ароматом, совсем не похожим на удушающие духи Анжелы.

— О, более чем, — парировал я, растягивая ткань на гру-

ди и делая вид, что критически изучаю свой вид в отражении стекла на книжном шкафу. — Как раз то, о чем я всегда мечтал. Чувствую, во мне просыпается настоящая звезда интернета. Может, сделаем селфи? Буду теперь тут у тебя жить. Обустраивайся, принимай гостя по-царски.

Она фыркнула — короткий, неуверенный звук, — и отвернулась, делая вид, что с фанатичным рвением наводит порядок на и без того безупречном столе. Но по напряженной, как струна, спине и сжатым кулакам я видел — она вся на иголках. Каждое мое слово, каждый жест впивался в нее, как стрела.

Я решил, что пассивное наблюдение — это скучно. Нужно было поразвлечься. Подошел к ее стеллажу с книгами. Макроэкономика. Высшая математика. Теория государства и права. Налоговое право. Скучища смертная. Настоящий памятник тоске.

— Ого, — протянул я, с преувеличенным благоговением проводя пальцем по корешкам. — Какая приинтереснейшая литература. Прямо дух захватывает. Ничего, что я почитаю на досуге? А то скоро от безделья заскучаю, и, не дай бог, начну развлекаться как-то иначе. Может, стену разрисую.

— Не трогай! — она метнулась ко мне, словно ошпаренная, выхватывая толстенный том по макроэкономике из моих рук, будто это была священная реликвия. — И не смей ничего трогать! Вообще ничего!

— А что трогать можно? — я поднял брови, делая вид, что

погрузился в глубокие, серьезные размышления. — Этих стеклянных пони? Или, может быть, твой учебный план? Интересно, что там у тебя на сегодня записано. «С 9:00 до 10:00 — паника. С 10:00 до 11:00 — отчаяние»?

Ее лицо залилось густым, алым румянцем. Она была точь-в-точь как кошка, которую дразнят. Шерсть дыбом, хвост трубой, готова шипеть и выпускать когти, но при этом панически боится подойти ближе. Мне это безумно нравилось. Выводить ее из равновесия, наблюдать, как трескается ее ледяная, правильная маска, было самой веселой и азартной игрой, в которую я играл за последние годы.

— Просто сядь в углу и не мешай мне, — сквозь стиснутые зубы процедила Алиса, с силой вдавливая книгу обратно на полку. — Мне нужно идти к отцу. Завтракать.

— Ага, — кивнул я, с наслаждением присаживаясь на ее рабочий стул и с грохотом закидывая ноги, облаченные в розовый позор, на идеально чистую столешницу. Она вздрогнула, увидев это осквернение. — Обсуждать твои планы на вечер. Удачи в переговорах. Искренне надеюсь, он проявит снисхождение и разрешит-таки сходить на ту самую вечеринку. А то мне с тобой тут одному будет совсем уж скучно. Придется самому себя развлекать.

Она бросила на меня взгляд, полный такой чистой, неподдельной ненависти, что мне стало почти тепло на душе. Разозленная, с пылающими щеками и сверкающими глазами, она была еще в тысячу раз красивее. И я понимал, что не уйду

пока не наиграюсь вдоволь.

Алиса ушла, защелкнув за собой дверь с таким выражением лица, будто отправлялась на эшафот. Оставила меня одного в своей святой святых. В своем розовом, пахнущем пони и учебниками гетто.

Первые несколько минут я просто сидел, прислушиваясь к звукам дома. Где-то внизу глухо разговаривали мужские голоса — отец и, вероятно, кто-то из прислуги. Потом все стихло. Видимо, завтрак начался.

Я поднялся со стула и принялся неспешно, как настоящий археолог, изучать ее логово. Это было настоящее гнездо паиньки. Все было разложено по полочкам, по линеечке. Ни одной пылинки, ни одного случайного клочка бумаги. На столе, рядом с мощным ноутбуком, стояла фоторамка. На снимке — она, лет десяти, с тем самыми серьезными, взрослыми глазами, и высокий, строгий мужчина с властным взглядом — ее отец. Уже тогда, в детстве, она смотрела на него с такой смесью обожания и страха. «Папина дочка». Словно всю свою сознательную жизнь готовилась к одному-единственному выпускному экзамену под названием «Жизнь», где нужно было получить высший балл, ни единой помарки.

И мне вдруг стало интересно. По-настоящему, не из праздного любопытства. Что скрывается за этим безупречным фасадом? За этими правильными учебниками и отличными оценками? Есть ли там что-то живое, теплое, порочное, настоящее? Что-то, что может кричать от ярости, сме-

яться до слез, беситься из-за пустяков, любить до безумия?

Мой взгляд упал на небольшую, ничем не примечательную тетрадку в плотном переплете, аккуратно стоявшую между толстенными томами по юриспруденции. Я потянулся и вытащил ее. Скетчбук. Я ожидал увидеть милых котиков, цветочки и бантики. Но то, что я увидел, заставило меня замереть.

Там были наброски. Странные, угловатые, но до мурашек выразительные. Люди в метро, с их уставшими, потухшими лицами. Грустные, почти трагичные клоуны. Одинокое, голые деревья на фоне промозглого городского неба. Это было неожиданно. Глубоко. Это была не Алиса-отличница. Это была другая Алиса. Та, что пряталась ото всех. И впервые за сегодняшнее утро моя наглая ухмылка сползла с лица. Я аккуратно положил тетрадь на место, чувствуя себя взломщиком, случайно наткнувшимся на чужую исповедь.

Вернувшись на стул, я принялся ждать. И по-настоящему наслаждаться ситуацией. Кирилл Островцев, гроза московских тусовок, завсегдатай самых дорогих клубов, сидит в розовых штанах с радужным пони в комнате студентки-отличницы и ждет, разрешат ли ей, его тюремщице, сходить на вечеринку. Ирония судьбы — лучший драматург. Я бы сам не придумал.

Дверь открылась. Она вошла. Не нужно было быть психологом, чтобы с первого взгляда прочитать итог переговоров на ее лице — плечи были безвольно опущены, губы плотно

сжаты, а в глазах стояла тупая, безнадежная покорность.

— Что, папочка не одобрил твой план по разложению общества? — спросил я, делая максимально грустное и сочувственное лицо.

— Вечеринка отменена, — коротко бросила она, не глядя на меня, и прошла к своему столу, бесцельно переставляя уже и так идеально стоящие книги.

— Ох, какая жалость, — сказал я без тени сожаления в голосе. — Значит, выходит, у нас с тобой весь этот долгий-долгий день впереди. Наедине. Может, посмотрим кино? Поучим вместе макроэкономику? Или просто поболтаем по душам? Я, знаешь ли, очень душевный собеседник, когда ношу розовые штаны.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах я наконец-то увидел не панику, не злость, а холодную, чистую, вымороженную ненависть. И это было прекрасно. Это было настоящее начало. Семя было посажено. Теперь предстояло взрастить его.

Я решил, что молчаливая ненависть — это скучно и непродуктивно. Нужно было добавить перца. Осторожно, чтобы не сорвать все в открытый скандал, но достаточно ощутимо, чтобы не дать ей забыть о моем присутствии ни на секунду.

— Я голоден, — объявил я, нарушая тягостное молчание, повисшее в комнате. — А что у вас на завтрак подают к незванным гостям? Яичница? Блины? Уверен, твой отец не

будет против, если я вежливо спущусь с тобой в столовую и лично поблагодарю его за гостеприимство.

— Ты с ума сошел! — ее глаза снова округлились, в них вспыхнул прежний, уже знакомый ужас. — Он убьет тебя! И меня заодно!

— Шучу, шучу, успокойся, — поднял я руки в умиротворяющем жесте, медленно поднимаясь с кровати. — Но бутерброд ты мне сделать можешь. Или это против твоих строгих правил — кормить залетных гостей, вломившихся через окно? В уставе твоего идеального мира такая статья есть?

Она не двигалась, просто смотрела на меня, словно на существо с другой планеты, чьи мотивы и логика были ей абсолютно непонятны.

— Ладно, — вздохнул я с преувеличенной, театральной обидой. — Тогда я, пожалуй, сам. Наверняка на кухне есть кто-то из прислуги. Поздороваясь, представляюсь... как новый друг Алисы. Скажу, что заночевал.

— Сиди! — она чуть не вскрикнула, вскакивая и преграждая мне путь к двери, расставив руки, как будто могла меня физически удержать. Ее лицо исказила гримаса паники. — Я... я принесу тебе еды. Только сиди и не высовывайся!

— Спасибо, — я сладко улыбнулся, чувствуя приятную власть над ситуацией. — И кофе, пожалуйста. Черный. Без сахара. Как у настоящих мачо.

Пока она ходила, я провел настоящую разведку. Аккуратно, ничего не ломая и не переворачивая, я изучил содержи-

мое ее туалетного столика (никакой декоративной косметики, только дорогой уход и одна-единственная гигиеническая помада) и нашел в ящике стола небольшой, изящный дневник, запертый на крошечный замочек.

«Как интересно...» — подумал я, но трогать не стал. Слишком просто. Слишком грубо.

Алиса вернулась с тарелкой, на которой лежали два одиноких, тоскливых бутерброда с сыром. Вид был до слез унылый.

— Кофе не смогла, — сухо отрезала она, протягивая мне тарелку. — Горничная уже все убрала.

— Ничего, — я великодушно взял подношение. — В следующий раз научишься быть расторопнее. Опыт — сын ошибок трудных.

Мы ели молча. Она — стоя у окна, отвернувшись ко мне спиной и глядя во двор, будто надеясь увидеть там спасительный десант. Я — сидя на ее кровати, с наслаждением поглощая эту самую унижительную и невкусную еду в моей жизни. Ее молчаливое, напряженное присутствие было таким же острым и ощутимым, как и ее слова. Она излучала недовольство, раздражение и страх каждой клеточкой своего стройного тела.

— Знаешь, — сказал я, прожевывая последний кусок пресного хлеба и резинового сыра. — А ты, когда не злишься и не пытаешься меня мысленно казнить, наверное, даже очень даже симпатичная. Есть в тебе что-то цепляющее.

Алиса резко обернулась, и я увидел, как по ее шее и щекам разливается знакомый алый румянец. Но на этот раз это была не столько ярость, сколько что-то другое. Смущение? Досада?

— А ты, — парировала она, и ее голос дрогнул, — когда молчишь, гораздо, неизмеримо приятнее.

О, боже. Она ответила! Не проигнорировала, не убежала в слезы, а нашла в себе силы вступить в словесную перепалку. Маленькая, но такая важная победа. Я не сдержался и широко, по-волчьи, улыбнулся.

— Так-то лучше, Алиса. А то я уже начал думать, что ты немножко того... без эмоций. Робот в юбке. А тут оказывается, есть еще порох в пороховницах.

Она сжала губы в тонкую, белую ниточку и снова отвернулась к окну. Но я поймал. Я поймал тот самый, крошечный, почти незаметный огонек азарта, что вспыхнул в глубине ее серых глаз, прежде чем она успела его потушить и надеть свою маску образцовой дочки. Игра начиналась по-настоящему. И ставки росли с каждой минутой.

День тянулся медленно, сладострастно и для меня — невероятно весело. Это был, без преувеличения, самый занятной день за последние несколько лет моей бесшабашной жизни.

Я нашел на верхней полке шкафа ее старый, пыльный альбом с наклейками, похоже, оставшийся с детства, и начал методично, с художественным вкусом, наклеивать блестящих

единорогов и радужные сердечки на суперобложку ее учебника по налоговому праву.

— Что ты делаешь?! — завизжала она, срываясь с места и вырывая книгу из моих рук с силой, которой я от нее не ожидал.

— Украшаю! — оправдался я с видом невинной овечки. — Скучно же, понимаешь? А от скуки, как известно, руки чешутся. Ты же не хочешь, чтобы мне было скучно? От скуки я могу и в окно выпрыгнуть, чтобы развеяться. Или громко, на весь дом, запеть арию из оперы. У меня, кстати, неплохой тенор.

Алиса просто застонала, с отвращением отдирая блестящие следы моего творчества, ее пальцы дрожали от бессильной ярости.

Потом я устроил «генеральную уборку» — прошелся по комнате ее же влажным банным полотенцем, сметая со стола на пол все подряд: ручки, карандаши, блокноты, ссылаясь на самые благие намерения.

— Да ты настоящий садист! — прошипела она, на коленях собирая разбросанные вещи и расставляя их по местам с ювелирной, дотошной точностью.

— Я просто пытаюсь помочь, — сказал я с непроницаемым видом мученика. — Ты же сама сказала: «Приберись». Я и прибираю. По-своему, но прибираю.

Она была на грани. Я видел, как ее терпение, такое огромное и вышколенное, тает с каждой моей выходкой, как весен-

ний снег. И с каждой трещиной в ее холодной, правильной маске обнажалась живая, эмоциональная, порочная и совершенно очаровательная девушка. Мне хотелось разгадать ее, как сложный ребус. Разрушить ее защиту и посмотреть, что останется.

К вечеру я уже лежал на ее кровати, закинув руки за голову, и смотрел в потолок, а она, сжавшись в тугую, напряженный комок, сидела на своем стуле и пыталась читать, краем глаза, словно загипнотизированная, следя за моими малейшими движениями. Воздух в комнате был густым и тягучим, насыщенным невысказанными словами и подавленными эмоциями.

— Ладно, принцесса, — сказал я, наконец, разрывая это напряженное молчание. — Пора, как говорится, честь знать. Пора решать вопрос моего дальнейшего маршрута. Мои вещи, напомним, все еще там, наверху. И я не могу вечно ходить в твоем розовом позоре, как бы комфортно мне тут ни было.

Она посмотрела на меня с новой, острой, животной подозрительностью. Алиса явно уже научилась ждать подвоха от каждого моего слова.

— И что ты предлагаешь? — ее голос был глухим и усталым.

— А ты, — я устроился поудобнее, готовясь насладиться ее реакцией, — совершишь небольшую вылазку. Сходишь к своей очаровательной соседке, Анжеле, и забереешь мои вещи. Скажешь, что ты... ну, я не знаю, моя младшая сестра.

Или новая пассия, которая почему-то очень хочет вернуть мои потные штаны. Как тебе больше нравится.

Ее лицо выразило такое бездонное, физиологическое отращение при слове «пассия», что мне снова дико захотелось смеяться.

— Ты абсолютно, окончательно и бесповоротно сошел с ума! — выдохнула она. — Я не пойду к той... к той женщине! Я даже не знаю, что ей сказать!

— Тогда я остаюсь, — пожал я плечами, как человек, принявший простое и логичное решение. — И, возможно, завтра утром, где-то около шести, я решу сделать бодрящую зарядку. Очень громко. С военными песнями. Или с индийскими мантрами. Еще не решил.

Мы смотрели друг на друга через всю комнату — я с вызовом и уверенностью в своей победе, она — с ненавистью, смешанной с леденящим душу предчувствием неизбежного. В тишине комнаты, в густых сумерках наступающего вечера, назревала настоящая, непримиримая битва воли. И я знал, что выиграю. Потому что правила этой странной, порочной, захватывающей дух игры, устанавливал я. А она была всего лишь новичком, растерянным игроком на моем поле. И самое интересное, самое непредсказуемое, я знал, было еще впереди. Завтра. Послезавтра. В институте. Эта мысль заставляла мое сердце биться чаще. Охота начиналась.

Глава 3

Алиса Звягинцева

Он победил. Это осознание пришло ко мне не как удар, а как медленно подкрадывающаяся тошнота. Я стояла, прижавшись лбом к прохладному стеклу окна, и смотрела, как сумерки поглощают наш ухоженный сад. За моей спиной, на моей же кровати, возлежал он — Кирилл Островцев. Мой личный кошмар в розовых штанах.

Его последние слова повисли в воздухе, как ядовитый туман. «Сходишь к той женщине и заберешь мои вещи». У меня похолодело внутри. Пойти к той... к той особе, с которой он провел ночь? Смотреть ей в глаза? Просить его одежду? Это было за гранью любого возможного унижения.

«Тогда я остаюсь».

Угроза звучала абсолютно реально. Этот человек был способен на все. На утреннюю зарядку с мантрами, на разрисовывание моих учебников, на что угодно. А отец... Отец мог в любой момент снова постучать в дверь. Одно его подозрение, один неверный звук — и моя жизнь, выстроенная с таким трудом, рухнет как карточный домик.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Ненависть, горячая и слепая, затуманила зрение. Я ненавидела его. Ненавидела его наглую ухмылку, его уверенность, то,

как он чувствовал себя здесь хозяином. Но сильнее ненависти был страх. Страх перед отцом. Страх потерять все.

— Хорошо, — прошептала я в стекло, не оборачиваясь. Голос звучал чужим и плоским. — Я схожу.

Сзади послышался довольный смешок.

— Вот и умница. Поднимешься этажом выше, попросишь Анжелу. Скажешь, что ей, что ты от Кирилла. Думаю, она поймет.

«Поймет». От этого слова меня передернуло. Конечно, поймет. Она же «та самая женщина».

Я медленно повернулась. Он лежал, закинув руки за голову, и смотрел на меня с таким видом, будто наблюдал за интересным спектаклем. Его взгляд скользнул по мне, оценивающий, насмешливый. Я почувствовала, как горят щеки.

— И что я ей должна сказать? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — «Здравствуйте, я Алиса, вот тут ко мне в окно влез ваш ночной любовник, не отдадите ли вы его штаны?»

Он рассмеялся — громко, искренне, будто я сказала нечто невероятно остроумное.

— Что-то в этом духе, да. Будь проще, принцесса. Она не станет вдаваться в подробности. У нее, уверен, своих проблем хватает.

Легко ему говорить «будь проще». Для него весь мир — простая и понятная игра. А для меня этот поход казался путешествием на эшафот.

— Ладно, — коротко бросила я, направляясь к шкафу. Мне нужно было переодеться. Выйти из дома. Сделать вид, что все в порядке. Сыграть свою роль в этом абсурдном спектакле, режиссером которого был он.

Ощущение его взгляда на своей спине было таким же физическим, как прикосновение. Он наблюдал. Играл. А я была его новой забавой. И самая ужасная мысль, пробивавшаяся сквозь гнев и страх, была в том, что где-то в глубине, в самой темной и запретной части моей души, эта игра начинала меня затягивать.

Выйти из дома было подобно побегу. Каждый скрип половицы, каждый голос внизу заставлял мое сердце останавливаться. Отец был в своем кабинете, дверь была приоткрыта. Я прошмыгнула в прихожую, как тень, натянула куртку и выскользнула за дверь, не дыша.

Воздух в подъезде был прохладен и свеж. Я сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь унять дрожь в коленях. Мне нужно было дойти до четвертого этажа нашего элитного жилого комплекса, где разворачивалась вся эта похабная история.

Дорога заняла не больше тридцати секунд. Но каждый шаг давался с трудом. Я повторяла про себя заученную легенду: «Я подруга Кирилла. Его вещи случайно остались у вас. Я хотела их забрать». Звучало неправдоподобно, глупо. Но другого варианта не было.

Подниматься по лестнице на четвертый этаж было насто-

ящей пыткой. Сердце колотилось где-то в горле. На площадке перед нужной дверью я замерла, снова пытаюсь отдышаться. Дверь была дорогая, массивная. Я представила себе, что за ней — разгневанный муж с битой. Или сама Анжела, которая вышвырнет меня вон.

Я нажала на звонок. Дверь открылась почти сразу, будто меня ждали. На пороге стояла она. Высокая, худая блондинка в шелковом халате, который был расстегнут настолько, что не оставлял сомнений в том, что под ним ничего нет. Ее лицо было уставшим, без косметики, волосы растрепаны. Но в глазах стояла такая смесь злости, презрения и усталости, что мне стало не по себе.

— Вы Анжела? Я от Кирилла.

— Ну? — бросила она, оглядев меня с ног до головы. Ее взгляд был быстрым, как удар хлыста. — Где он, этот козел? У тебя в трусах прячется?

Я почувствовала, как вся кровь отливает от лица. Я не была готова к такой прямой атаке.

— Его... его вещи, — выдавила я, глядя куда-то мимо ее плеча. — Он просил отдать.

Она фыркнула, развернулась и ушла вглубь квартиры, оставив дверь открытой. Я нерешительно переступила порог. Квартира была в стиле хай-тек, дорогая, но в гостиной царил хаос — пустая бутылка шампанского на столе, скомканная одежда на полу. Мужская одежда. Явно не Кирилла. Видимо, она таким способом решила отвлечь мужа.

Анжела вернулась, сгребла все в охапку — джинсы, футболку, кроссовки, носки — и сунула мне в руки.

— На, забирай своего принца. И передай ему, чтобы больше сюда не показывался. Муж вернулся, и он не в духе.

Я просто кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Пахло дорогими духами, табаком и чем-то еще, тяжелым и неприятным — запахом вчерашней пьянки и сегодняшнего скандала.

— Спасибо, — прошептала я и, не помня себя, выбежала на лестничную клетку. Дверь за моей спиной захлопнулась с таким грохотом, что я вздрогнула.

Я стояла посреди позорно тихого, роскошного лифта, прижимая к груди мятый ком чужой жизни — его одежду. Вещи, пахнувшие чужими, терпкими и сладковатыми духами, потом, дымом и чем-то еще, неуловимо мужским и абсолютно мне незнакомым, казались раскаленными. Я чувствовала себя окончательно униженной. Это было не просто чувство неловкости или стыда; это было глубинное, унижительное осознание того, что я, Алиса Звягинцева, опустилась до уровня посыльной, воровки, соучастницы в каком-то грязном водевиле.

Эта женщина, Анжела, с ее испуганными, подведенными глазами, полными презрения ко мне и к нему, и к самой себе. Этот бардак в ее жизни, в который я была втянута по самую макушку. Вся эта ситуация — постыдная, абсурдная, опасная — была настолько чудовищно далека от моего вы-

веренного, стерильного мира, от моих чистых, пахнущих типографской краской учебников, от моих фарфоровых кукол с их вечными, пустыми улыбками, что сознание отказывалось это принимать. Это был сон. Плохой, липкий, кошмарный сон, граничащий с психозом. И самое ужасное было в том, что из этого сна не было выхода. Я была в нем заперта, и ключ от клетки держал в руках тот, чью вонючую одежду я сейчас сжимала в дрожащих пальцах.

Обратная дорога по коридору и спуск по лестнице были в тысячу раз страшнее пути вверх. Каждый шаг отдавался в висках громом гильотины. Я шла, озираясь по сторонам, как настоящий преступник, несущий краденое, ожидая, что из-за любой двери сейчас выйдет отец, или тот самый ревнивый муж с битой, или, что было бы страшнее всего, наша домоправительница Клавдия Петровна с ее всевидящим взглядом и вечной готовностью доложить отцу о любом подозрительном движении. Я вжимала голову в плечи, стараясь стать меньше, незаметнее, прозрачнее. Одежда жгла мне руки через тонкую ткань куртки.

Я проскользнула в квартиру тем же путем, на цыпочках, затаив дыхание, как партизан в логове врага. Сердце замерло в груди, когда моя рука легла на ручку двери. Но внутри была тишина. Благословенная, звенящая тишина. И тут же, из-за тяжелой двери кабинета, донесся голос отца. Низкий, властный, выверенный, без единой лишней интонации. Он говорил с кем-то о поставках, о контрактах, о процентах.

Его голос был жестким, абсолютно деловым, погруженным в привычную ему вселенную цифр и власти. Словно ничего и не произошло. Словно в его упорядоченном, могущественном мире не было и не могло быть места полуголым незнакомцам, влезающим в окна к его единственной дочери. Этот контраст между тем адом, в котором я только что побывала, и этой ледяной нормальностью был настолько разрывающим, что у меня перехватило дыхание.

Я влетела в свою комнату, как ураган, захлопнула дверь и прислонилась к ней всей спиной, зажмурившись, пытаясь загнать обратно в легкие воздух, который, казалось, навсегда застрял где-то в горле. Сердце колотилось бешено, дико, выпрыгивая из груди, отдаваясь глухими, неровными ударами в ушах. Я чувствовала, как дрожат мои колени, а ладони, все еще помнящие вес и текстуру его вещей, были влажными и холодными.

— Ну что, успешная миссия, принцесса? — раздался с кровати тот самый, противный, бархатный, пропитанный ядовитым удовольствием голос. — Или тебя успели поймать с поличным, и ты повела за собой хвост?

Я не смотрела на него. Не могла. Вместо этого я с силой, со всей ненависти, что клокотала во мне, швырнула его одежду на пол. Она перевернулась в воздухе и упала с глухим, утробным стуком, выплунув на мой светлый ковер темный кроссовок.

— Забери свою дрянь, — мой голос прозвучал хрипло,

чужим, надтреснутым шепотом, — и убирайся. Сейчас же. Сию секунду.

Кирилл, не спеша, с театральной медлительностью, поднялся с кровати. Его движения были такими же плавными и уверенными, как у дикой кошки. Он подошел к куче одежды, наклонился и поднял свою футболку. Не просто взял ее — он потер темную ткань между большим и указательным пальцами, как будто оценивая качество.

— Тепленькая, — констатировал он, и его губы растянулись в той самой, наглой ухмылке, от которой у меня сжимались кулаки. — Прямо с пола у Анжелы, что ли? Не переживай, Алиса. Она тебе не конкурентка. Во-первых, у нее уже есть муж. Один, но, блин, очень ревнивый. А во-вторых... — его взгляд скользнул по мне с ног до головы, — у нее нет и твоей доли этого праведного гнева. Это чертовски сексуально, если честно.

— Мне плевать на нее и на тебя! — выпалила я, и на этот раз голос сорвался, в нем послышались слезы, которые я отчаянно пыталась сдержать. Я ненавидела себя за эту слабость, за эту предательскую дрожь в подбородке. — Ты получил, что хотел. Твои вещи здесь. Теперь уходи. Исчезни.

Он не обратил на мои слова ни малейшего внимания. С преувеличенной, почти ритуальной медлительностью он начал одеваться. Сначала джинсы. Он натягивал их, стоя ко мне боком, и я невольно отметила, как обтягивающая ткань ложится на узкие бедра и сильные бедра. Потом футболка.

Кирилл стянул ее через голову, и на мгновение его лицо скрылось, а потом вновь появилось, с еще более бесстыдной ухмылкой. Каждое его движение было плавным, уверенным, полным какой-то животной грации. Он делал это так, будто раздевал меня взглядом, будто его пальцы, застегивающие ширинку, скользят по моей коже. От этого взгляда по телу пробежали противные, колючие мурашки, и я резко отвернулась, делая вид, что с маниакальным усердием разбираю и перекладываю стопки книг на столе, выравнивая их корешки до идеальной линии.

— Знаешь, — сказал он, приседая, чтобы надеть кроссовки, — а ты, черт возьми, молодец. Я, честно говоря, не был на все сто уверен, что у тебя хватит смелости ткнуть нос в эту змеиную нору. Но ты справилась. Даже лучше, чем я ожидал.

— У меня не было выбора, — сквозь стиснутые зубы, глядя в корешок учебника по макроэкономике, процедила я.

— Выбор есть всегда, принцесса, — его голос прозвучал внезапно прямо за моей спиной, так близко, что его теплое дыхание коснулось моего затылка.

Я вздрогнула всем телом, как от удара током, но не обернулась. Он подошел совсем близко, почти вплотную. Я чувствовала исходящее от него тепло всем своим существом, слышала его ровное, спокойное дыхание, в то время как мое собственное было сбитым и прерывистым. От него все еще пахло моим душем и чем-то своим, горьковатым и возбуждающим.

— Можно было сдать меня с потрохами твоему папочке, — продолжил он тихим, интимным шепотом, который обволакивал, как дым. — Устроить истерику. Разрыдаться и рассказать все. Но ты не стала. Интересно, почему? Что удержало? Неужели только страх перед скандалом?

Я сжала в руках толстый учебник так, что картонный корешок жалобно затрещал. Почему? Да, я боялась. Я боялась гнева отца, его разочарования, его железной руки, которая навела бы порядок с такой жестокостью, от которой стало бы стыдно и больно. Но это была не вся правда. Где-то в самой глубине души, в том темном уголке, о существовании которого я и сама не подозревала, этот провал, эта опасность, это абсолютное крушение всех правил... они будоражили. Они были живыми. Настоящими. В отличие от восковой идеальности моей жизни.

— Убирайся, — повторила я, но в моем голосе уже не было прежней стальной силы, лишь усталая, надломленная пустота. Он слышал это. Черт возьми, он, наверное, слышал даже предательски громкий стук моего сердца и чувствовал, как дрожит воздух между нами.

И тогда он сделал это. Кирилл легонько, почти невесомо, коснулся рукой моих волос. Одно мимолетное прикосновение. Пальцы скользнули по прядям у виска, и этого было достаточно. От этого внезапного, шокирующего касания по моей спине побежали не мурашки страха, а что-то другое — острое, запретное, электризирующее. Я замерла, не в силах по-

шевелиться, не в силах оттолкнуть его.

— До скорого, Алиса Звягинцева, — прошептал он так тихо, что это было скорее движение губ у моего уха, чем звук. — Честно? Было чертовски весело.

И он ушел. Так же внезапно, как и появился — бесшумной, гибкой тенью. Он перешагнул через подоконник, и через секунду его силуэт растворился в сгущающихся сумерках за окном. Я стояла неподвижно, как вкопанная, слушающая, как в наступившей тишине комнаты медленно-медленно утихает эхо его шагов по карнизу, а потом и вовсе все смолкало. Только тогда я смогла пошевелиться. На автомате, с деревянными движениями, я подошла к окну, с силой захлопнула створку и повернула замок. Звук щелчка был таким же финальным, как захлопнувшаяся крышка гроба.

Комната была пуста. Все было на своих местах. Безупречные стопки учебников, аккуратные конспекты, фарфоровые балерины в своих вечных, изящных позах. Идеальный, вымеренный порядок, который я так ценила. Но что-то в самой основе этого мира сдвинулось. Воздух был другим. Он был густым и тяжелым, наполненным им. Его запахом, его насмешкой, его опасным, пьянящим присутствием, которое въелось в ковер, в ткань покрывала, в самые стены.

И самым ужасным, самым постыдным и непреложным было осознание, которое пришло ко мне в тот вечер, когда я осталась одна. Эта тишина, этот привычный, безопасный порядок, эта предсказуемость — все, что составляло суть моей

жизни до сегодняшнего утра, — вдруг показались мне невыносимо скучными, плоскими и мертвыми. Как будто кто-то выключил черно-белое кино моей жизни, и я вдруг увидела, что существует целая палитра других, ярких, ядовитых, запретных красок. И часть меня, та самая, что заставила меня солгать отцу и принести Кириллу эти одежды, отчаянно, против моей воли, жаждала увидеть его снова.

Прошло два дня. Сорок восемь часов попыток вернуться к нормальной жизни. Я ходила на лекции, делала вид, что слушаю, ужинала с отцом, отвечала на его вопросы односложно. Все было как всегда. Но внутри все перевернулось.

Я ловила себя на том, что ищу его в толпе студентов. Каждый высокий парень с темными волосами заставлял мое сердце сделать произвольный толчок. Я прислушивалась к звукам за окном, ожидая услышать скрип трубы или его наглый смех. Но ничего не происходило.

Отец заметил мою рассеянность.

— Алиса, с тобой все в порядке? Ты какая-то бледная. Может, вызвать врача?

— Нет, пап, все хорошо, — отвечала я, заставляя себя улыбнуться. — Просто устала. Сессия скоро.

Он смотрел на меня с легкой тенью подозрения, но больше не давил. Возможно, списал все на стресс от отмененной вечеринки. Я была ему благодарна за это невнимание.

На третье утро, выходя из института после дополнительной пары, я увидела его. Кирилл стоял, прислонившись к сте-

не, неподалеку от выхода, в тех же джинсах и футболке, что я ему вернула. В руках он держал два стаканчика с кофе. Увидев меня, он улыбнулся — медленной, уверенной улыбкой, от которой у меня похолодело внутри. И одновременно стало душно.

Я сделала вид, что не заметила его, и пошла в сторону, противоположную от дома, туда, где обычно садилась в такси.

— Звягинцева! — окликнул он, его голос легко донесся до меня сквозь уличный шум. — Невежливо игнорировать старых друзей!

Я ускорила шаг, сжимая ручку сумки так, что пальцы занемели. «Не оборачивайся. Не оборачивайся. Просто иди.» — повторяла себе как мантру.

Но он уже догнал меня. Легкой, спортивной походкой. Кирилл поравнялся со мной и протянул один из стаканчиков.

— Держи. Капучино. Три сахара. Как у настоящих паинек.

— Я не пью кофе с незнакомцами, — сказала я, глядя прямо перед собой.

— Ой, да брось, — он засмеялся. — Какие мы незнакомцы после всего пережитого? Мы почти родственники. Я же в твоих штанах ходил.

От этих слов меня бросило в жар. Я остановилась и наконец посмотрела на него.

— Что тебе от меня нужно? Ты же получил свои вещи. Считай, мы квиты.

— А кто сказал, что я с тобой рассчитался? — он поднял брови, делая удивленное лицо. — Твое гостеприимство было выше всяких похвал. Я чувствую себя обязанным.

— Никаких обязательств! — прошипела я, оглядываясь, не слышит ли кто. — Просто оставь меня в покое.

— Не могу, — он покачал головой, и в его зеленых глазах заплясали веселые чертики. — Это против моих принципов. Я, знаешь ли, очень принципиальный. Вот, представляешь, хожу по городу, ищу приключений на свою голову, а тут такое... золотое дно в лице примерной отличницы. Да я с ума сойду, если упущу такой шанс.

Он говорил это с такой наглой искренностью, что у меня отвисла челюсть. Он не скрывал, что я для него — развлечение. Забава. И это... Это было оскорбительно до глубины души. И в то же время заманчиво. Потому что никто и никогда в моей жизни не говорил со мной так прямо. Не смотрел на меня с таким откровенным, ничем не прикрытым интересом.

— Отстань, — сказала я беззвучно и снова пошла, уже почти бегом.

Кирилл не стал меня преследовать. Он просто стоял и смотрел мне вслед. Я чувствовала его взгляд на своей спине, горячий и цепкий, как прикосновение. И понимала, что это только начало. Его охота началась. А я была его дичью. И самая ужасная мысль была в том, что часть меня уже не хотела убегать.

Он стал моим тенью. Моим навязчивым кошмаром и единственной искрой чего-то настоящего в моем выхолащенном мире.

На следующий день он снова ждал меня у института. На этот раз с двумя билетами в кино.

— Пошли. Боевик. Будет много стрельбы и взрывов. Как раз чтобы снять стресс после макроэкономики.

— Я не пойду с тобой в кино.

— Почему? Боишься, что я буду пытаться поцеловать тебя в темноте? — он наклонился ко мне, и его дыхание коснулось моей щеки.

— Боюсь, что тебя будет тошнить от скуки.

— Попробуем.

Я ушла. Кирилл последовал за мной до самой машины отца, которая уже ждала меня. Он невозмутимо помахал шоферу, когда я садилась в салон. Пришлось соврать водителю, что это был просто однокурсник, иначе доклада отцу было бы не избежать.

Через день он «случайно» оказался в той же кофейне, где я занималась с однокурсницей. Он уселся за соседний столик и, не стесняясь, слушал наш разговор о дифференциальных уравнениях, периодически покачивая головой с видом знатока.

— Ты его знаешь? — спросила меня Настя, с любопытством разглядывая Кирилла.

— Нет, — ответила я, чувствуя, как краснею. — Абсолютно нет.

Он услышал и рассмеялся.

— Жестокая. А я уж думал, мы друзья.

Потом был инцидент в городской библиотеке, куда я часто заглядывала после лекций. Я искала книгу на верхней полке. Он оказался рядом, будто из-под земли вырос.

— Дай-ка я, — сказал он и легко достал нужный том. Его рука на мгновение коснулась моей. Искра. Глупая, пошлая, но настоящая искра. — Держи, принцесса.

— Я сама могу, — вырвала я книгу из его рук.

— Вижу, — ухмыльнулся он. — Ты вообще все можешь. Кроме одного — признаться, что я тебе не безразличен.

Я ушла из библиотеки, оставив его там, но его слова горели у меня в ушах. Он был прав. Я не могла его игнорировать. Он врвался в мою жизнь с наглостью захватчика, и я не знала, как дать ему отпор. Потому что вся моя обычная защита — холодность, отстраненность, ссылки на занятость — на нем не работала. Он видел меня насквозь.

Вечером того дня я сидела в своей комнате и смотрела на запертое окно. За ним была ночь, город, и он где-то там. Проклятый, наглый, невыносимый Кирилл Островцев. Он запутал меня. Он злил меня до белого каления. Он представлял собой все, чего я должна была избегать — безответствен-

ность, наглость, опасность.

Но когда его не было рядом, мир снова становился плоским, черно-белым и невыносимо скучным. Как будто он принес с собой те самые краски, которых так не хватало в моей жизни. Краски, которые были ядовиты, запретны, но от которых невозможно было отказаться.

И я с ужасом понимала, что жду завтрашнего дня. Жду, снова увижу ли я его у входа в институт. И что скажу ему на этот раз. Эта мысль была самой страшной из всех. Потому что она означала, что игра, которую он начал, уже стала и моей игрой тоже. И я понятия не имела, чем она для меня закончится.

Глава 4

Кирилл Островцев

Мысль о ней жгла изнутри, как тлеющий уголек, который никак не может разгореться в пламя, но и не гаснет окончательно. Три дня выматывающей нервы тишины, нарушаемой лишь гулом города за панорамными окнами моей съемной квартиры-студии. Это место, стильное и безличное, как номер в отеле, всегда было моей крепостью, местом, где я перезагружался после ночных баталий. Но сейчас его стерильная чистота и минимализм давили на меня. Здесь не было ни одной вещи, которая напоминала бы о прошлом, ни одного лишнего предмета, за который могла бы зацепиться память. И именно эта пустота заставляла образ Алисы Звягинцевой всплывать с пугающей четкостью.

После того как я покинул ее комнату, выскользнув в наступающие сумерки, словно ночной дух, исполнивший свою миссию, в моей голове воцарился ковардак, странный и непривычный. Я, Кирилл Островцев, виртуоз ухода по-английски, король мимолетных романов, не знающий ни сожалений, ни тоски, не мог выбросить из головы одну-единственную девушку. Это было похоже на болезнь. Лихорадочное состояние, когда все другие раздражители — вкус дорогого виски, смех очередной спутницы, азарт от новой риско-

ванной авантюры — теряли свою остроту, выцветали, становились фоном для одного-единственного, навязчивого воспоминания.

Ее испуганные, широко распахнутые глаза, цвета грозового неба, в которых читалась вселенская катастрофа. Ее сжатые в бессильной ярости кулаки. Дрожь в голосе, смешанная с неподдельной, закаленной сталью воли. И тот самый момент, когда она, эта хрупкая с виду девушка, вогнала мне каблук в ногу. Этот акт отчаянной агрессии был для меня откровением. Он ломал все шаблоны. В моем мире женщины либо хихикали и поддавались, либо делали вид, что обижаются, но в итоге все равно сдавались. Алиса же сражалась. По-настоящему. И этот ее внутренний огонь, эта искра непокорности, манили меня сильнее, чем любая, даже самая совершенная внешность.

Я провел эти три дня не в праздном ожидании. Я анализировал наше столкновение как гроссмейстер разбирает сложную шахматную партию. Да, я выиграл первый раунд, вырвавшись из физической ловушки. Но она, Алиса Звягинцева, оказалась не просто испуганной птичкой в позолоченной клетке. Она проявила характер. Решительность. Она пошла на немыслимый для нее риск, солгала в глаза своему властному отцу, пошла на враждебную территорию к той самой Анжеле и добыла мои вещи. В ее мире, выстроенном на строгих правилах, родительских запретах и тотальном контроле, это был акт настоящего мятежа. И этот мятеж, эта вспышка

индивидуальности, были для меня ценнее любой улыбки или взгляда, брошенного мне когда-либо другой женщиной.

Я понял одну простую и сложную одновременно вещь: мой обычный, проверенный годами подход — напор, очарование и дерзость, быстрый и эффектный захват — здесь был обречен на провал. Она была не из тех, кого можно взять голым торсом, наглой ухмылкой и парой заученных комплиментов. Ее мир был не просто крепостью. Это был целый город-государство с высокими стенами, сложными ритуалами, системой тайных ходов и грозным, всевидящим стражем у ворот в лице ее отца, Александра Сергеевича Звягинцева. Штурмовать такую цитадель в лоб было бы самоубийственно. Это привело бы лишь к окончательному запиранию ворот и, возможно, к моему физическому устранению силами ее папеньки.

Нужна была осада. Долгая, методичная, изматывающая. Не силовая, а психологическая. Нужно было стать для нее не просто угрозой извне, а частью ее внутреннего ландшафта. Фоном ее жизни, звуком, который нельзя выключить, тенью, от которой нельзя убежать. Мне нужно было заставить ее думать обо мне. Не просто бояться или ненавидеть, а именно думать. Анализировать. Искать скрытые смыслы в моих поступках. Когда враг занимает твои мысли, он уже наполовину победил.

Первым и самым важным шагом любой осады является разведка. Нужно знать своего противника, его распорядок,

его слабые и сильные стороны. Я позвонил своему старому приятелю Семену. Семен был не боевиком, а брокером, но его главным капиталом была не биржа, а информация. Он знал всех и вся. Пара дорогих, коллекционных бутылок виски, которые я ему задолжал за старую услугу, и щедрое денежное вознаграждение открыли все нужные двери. Через два дня у меня на столе лежала папка с исчерпывающими данными: расписание Алисы Звягинцевой на семестр, схема корпусов и аудиторий ее престижного экономического вуза, примерные маршруты ее перемещений между домом, институтом и другими точками.

Изучив материалы, я убедился в своих догадках. Она жила по четкому, как ход швейцарских часов, графику. Учеба, институтская библиотека, кафе на одной из центральных улиц, где она брала кофе с круассаном, и дом. Никаких клубов, никаких вечеринок (после того инцидента с ее подругой отец, видимо, ужесточил режим), никаких случайных маршрутов. Ее жизнь была выверенным, безопасным, предсказуемым коридором без отклонений. Мне предстояло стать тем самым отклонением. Неожиданным поворотом, трещиной в стене.

Я начал с малого. С создания почвы, с привыкания. Первую неделю я не предпринимал никаких активных действий. Я просто наблюдал. Я арендовал на день разные машины — дорогие, но неброские — и дежурил у института, в переулках с хорошим обзором, каждый раз меняя автомо-

биль, чтобы не привлекать внимания охраны или бдительных соседей.

Я изучал ее привычки не как преследователь, а как антрополог, изучающий племя. Как она держалась с подругой, той самой блондинкой Машей — легко, раскрепощенно, иногда даже с задором. Как разговаривала с пожилыми преподавателями — с почтительной уверенностью, глядя прямо в глаза, что выдавало в ней не робкую ученицу, а будущего лидера. Как она шла по улице — не суетливо, не смотря под ноги, а с прямой спиной и достоинством, но без капли высокомерия или надменности. Она была не мажоркой, не избалованной дурочкой, а принцессой, воспитанной для правления. И это осознание делало ее в моих глазах еще более ценной, а предстоящую игру — еще более захватывающей.

Через неделю наблюдений я перешел ко второй фазе: «пассивного присутствия». Я не подходил, не заговаривал, не пытался привлечь внимание. Я просто был. В понедельник я «работал» за своим тонким ноутом в том самом кафе на центральной улице, куда она заходила после пары по макроэкономике. Я занял столик в углу, в полутени, в темных очках, делая вид, что полностью погружен в изучение биржевых графиков на экране.

Когда она вошла с Машей, звон колокольчика на двери прозвучал для меня как выстрел стартового пистолета. Я не подавал вида. Я продолжал смотреть на экран, но краем глаза фиксировал каждое ее движение. Она не видела меня сра-

зу. Они болтали, смеялись, подошли к стойке. И вот тогда ее взгляд, скользя по залу в поисках свободного места, наткнулся на мою фигуру.

Эффект был мгновенным и восхитительным. Она не ахнула, не отпрянула. Она просто замерла на секунду. словно фильм остановился на одном кадре. Потом ее голова резко дернулась, она отвернулась и, что-то срочно и тихо пробормотав Маше, потянула ее за рукав к столику в самом дальнем, противоположном от меня углу. Все время, пока они пили кофе, я, не поворачивая головы, чувствовал ее напряжение. Она ни разу не посмотрела в мою сторону, но ее спина была неестественно прямой, плечи слегка подняты. Она не видела меня, но она меня чувствовала. Всеми фибрами души. Как животное чувствует хищника, даже не видя и не слыша его. Это было начало. Первая, крошечная победа. Я поселил в ее сознании тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.